

В конце концов, Се Сихэн нежно помассировал талию Чи Вана и пришел к выводу, что не может применять слишком много силы, учитывая, что Чи Ван все же был беременен.

Чи Ван никогда раньше не получал массажа от кого-либо другого, поэтому прикосновения Се Сихэна были очень приятны. Он постоянно хвалил Се Сихэна — в конце концов, делать комплименты легко и приятно другим, так почему бы и нет?

Чи Ван считал, что комплименты — это наиболее выгодное вложение средств!

Закончив, Чи Ван перевернулся, приспустил рубашку, чтобы прикрыть пупок, и начал провожать его.

— Ладно, старший, я пойду спать. Тебе тоже следует отдохнуть.

Се Сихэн наблюдал, как Чи Ван вытянул ногу, приподнимая одеяло пальцами ног. Он поерзал, подворачивая одеяло под себя. Вскоре белое постельное белье окутало его с головы до ног, словно пухлый белый шелкопряд, окутывающий себя коконом, излучая неопишуемое ощущение непринужденной легкости.

Весь процесс был отработан до совершенства.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что у Чи Вана точно не было дурной привычки сбрасывать с себя одеяло.

Се Сихэн тихо сказал:

— Спокойной ночи.

Чи Ван ответил:

— Спокойной ночи!

Се Сихэн вышел из комнаты Чи Вана. Прежде чем закрыть дверь, он невольно оглянулся. В тусклом свете Чи Ван уже удобно устроился для сна и вскоре затих.

С тихим щелчком Се Сихэн закрыл дверь и вернулся в свою спальню.

Он подошел к окну, некоторое время смотрел на ночное небо, в котором не было ни малейшего проблеска света, затем достал телефон и позвонил.

Звонок быстро соединился; мягкий женский голос ответил:

— Алло, Шэншэн? Тебе что-нибудь нужно?

Се Сихэн тихим голосом сказал:

— Мама, я больше не поеду за границу.

Чу Цин на мгновение опешила, а затем с удивлением воскликнула:

— Правда? Тогда ты вернешься домой после окончания учебы?

Се Сихэн ответил:

— Я возглавлю компанию в городе Н и на некоторое время здесь поселюсь.

Чу Цин не удивилась; Се Сихэн всегда был независимым человеком и часто не советовался с родителями при принятии решений. Он сообщал им о случившемся только постфактум, и они ничего не могли с этим поделать.

Дети вырастают, и их действительно невозможно контролировать... Но даже когда Се Сихэн был маленьким, с ним было трудно справиться.

Он был слишком тихим, поэтому его прозвали «Шэншэн» (что означает «звук»); она надеялась, что он будет больше говорить.

Чу Цин сказала:

— Хорошо, решать тебе. Но ты уже немолод. Ты нашел себе подружку в университете? Если нет, у меня есть дочери моих подруг — все они замечательные и красивые. Хочешь с ними познакомиться?

Даже будучи состоятельной женщиной, она не могла устоять перед желанием подтолкнуть сына к поиску партнера.

Се Сихэн не удивился и холодно отказался:

— В этом нет необходимости.

Чу Цин сказала:

— Знаешь, мама просто беспокоится о тебе. У парней твоего возраста уже было несколько

девушек. Я не прошу тебя быть плейбоем, но и вообще никаких девушек у тебя быть не может. Раз уж ты не уезжаешь за границу, можешь начать думать о том, чтобы найти себе девушку. Встречаться хотя бы два года, потом пожениться на год и завести ребенка — тебе будет как минимум 26, когда ты станешь отцом. Знаешь, я родила тебя, когда мне было 20.

— Спешить некуда.

Чу Цин ответила:

— Возможно, ты никуда не спешишь, а я спешу. Золотые годы мужчины — это всего лишь несколько лет; нужно воспользоваться моментом. Иначе возможность будет упущена.

Се Сихэн сменил тему:

— Передай, пожалуйста, папе, что через несколько дней я поеду в Haisheng. Я планирую завершить передачу дел в течение двух дней.

Видя, что его не остановить, Чу Цин больше ничего не сказала.

— Хорошо, решать тебе. Я сообщу твоему отцу. Я попрошу помощника Ли прийти и помочь тебе.

Повесив трубку, Се Сихэн пощипал переносицу. Усталость в глазах значительно уменьшилась после более чем часа сна.

Среди ночи у Чи Вана снова начались судороги. Судороги были не настолько сильными, чтобы разбудить его, поэтому боль его не разбудила. В результате, на следующее утро он встал с постели, не понимая, что что-то не так. Ноги подкосились, и колени тяжело ударились об пол.

Он мгновенно полностью очнулся. Пытаясь встать, он почувствовал слабость в ногах. Его глаза расширились от шока — неужели он парализован?

Он быстро схватил телефон, уже собираясь позвонить Се Сихэну, когда раздался стук в дверь и рвздался голос Се Сихэна:

— Я слышал какой-то шум.

Чи Ван поспешно крикнул:

— Входи скорее!

Се Сихэн открыл дверь, увидел его стоящим на коленях, тут же подошел, наклонился и помог ему подняться, усадив на кровать.

Чи Ван недоуменно сказал:

— У меня совсем нет сил в ногах.

Се Сихэн протянул руку, чтобы дотронуться до икры; мышца была твердой, как камень.

— У тебя судорога. Я помассирую.

Он слегка приподнял веки, чтобы посмотреть на Чи Вана, и спросил:

— Совсем не болит?

Чи Ван немного подумал:

— Немного болит, но не сильно.

Се Сихэн опустил взгляд и начал массировать ногу. Его пальцы осторожно надавливали на колено, начиная с нескольких сантиметров выше колена, медленно возвращая напряженную мышцу на место.

Судя по напряжению в икре, судороги мучили его как минимум два-три часа, но Чи Ван этого не заметил и спал до сих пор.

Вспоминая ту ночь, Се Сихэн наконец-то получил ответ на вопрос, который его долгое время мучил.

После того, как Се Сихэн закончил массаж, Чи Ван встал, походил и мгновенно почувствовал себя как обычно.

— Теперь все в порядке; я могу ходить.

Се Сихэн посмотрел на босые ноги Чи Вана, стоящие на полу. Его ноги покраснели от холода. Он наклонился, поднял тапочки, взял Чи Вана за лодыжку и помог ему надеть их.

Чи Ван был ошеломлен.

В этом нет необходимости, чувак, — подумал он.

Надев тапочки, он почему-то почувствовал себя немного неловко. Возможно, забота Се Сихэна была чрезмерной. Немного подумав, Чи Ван сказал:

— Пойдем позавтракаем.

Экономка была словно призрак, она готовила три приема пищи и уходила, а затем тихо возвращалась после еды, чтобы убрать и помыть посуду.

Иногда Чи Ван чувствовал себя так, словно живет в доме с привидениями — он слышал звуки, но никого не видел. А что это могло быть, если не дом с привидениями?

После завтрака Чи Ван отправился на занятия.

В их университете не было центрального отопления; в аудиториях включали теплый воздух от кондиционеров, но эффект был не очень заметен — там все равно было холодно, когда это было необходимо.

Более того, через десять дней наступит Новый год. Праздничная атмосфера предстоящего праздника постепенно распространялась.

Ло Ляньюнь спросил Чи Вана:

— Ты собираешься домой на Новый год?

Это был риторический вопрос, потому что Чи Ван за последний год ни разу не ездил домой на праздники.

Но Ло Ляньюнь все еще хотел спросить.

И действительно, Чи Ван ответил:

— Скорее всего, нет; я не поеду домой.

Ло Ляньюнь спросил:

— Ты все еще собираешься на работу?

Чи Ван естественно ответил:

— Да.

Шу Тинью спросил:

— А как же Китайский Новый год? Ты и на него домой не поедешь?

Чи Ван уверенно ответил:

— Домой я не поеду. В новогодние праздники зарплата утроится.

Ло Ляньюнь и Шу Тинью обменялись взглядами и спросили:

— Ты рассказал своей семье о беременности?

Чи Ван удивился:

— Неужели это нужно говорить? Как только родится, его уже не будет существовать. Нужно ли мне об этом объявлять?

Ло Ляньюнь и Шу Тинью переглянулись: ...

У них и раньше были некоторые подозрения, но это были лишь смутные догадки без доказательств. Теперь же поведение Чи Вана дало им ясное представление о том, что, возможно, у Чи Вана нет дома.

Но Чи Ван никогда об этом не рассказывал. Он жил скромно, даже немного экономил. По его постоянной работе на полставки они смутно замечали некоторые проблемы.

Когда они обсуждали расходы на проживание, которые им присылали семьи, Чи Ван ни разу не принимал участия в разговоре.

Что еще они не могли понять?

Шу Тинью поднял руку и предложил Чи Вану:

— Почему бы тебе не провести Новый год у меня дома? Как насчет этого?

Чи Ван холодно отказался:

— Нет, спасибо.

Ло Ляньюнь почесал затылок:

— Тогда как насчет того, чтобы провести Новый год у меня дома?

Чи Ван вежливо ответил:

— Во время зимних каникул я часто буду приходить, чтобы прибраться в общежитии. Не беспокойтесь.

Ло Ляньюнь и Шу Тинью не стали задавать дальнейших вопросов.

Чи Вану некоторые вопросы нельзя было задать, если он не был готов поделиться.

Но с его характером он, вероятно, ничего бы не сказал.

После занятий, во второй половине дня, Чи Ван получил звонок от Цяо Ючжэнь. Как и ожидалось, она снова просила денег. Больше им не о чем говорить.

Выслушав рассказ Сяо Фу, Чи Ван почти ничего не почувствовал, но у него возник вопрос: откуда Цяо Ючжэнь его взяла?

На самом деле, он и раньше смутно подозревал это. Он был умным, быстро учился всему, особенно игре на музыкальных инструментах; он был очень чувствителен к музыке. Это едва ли можно было назвать талантом, скорее всего, это наследственное качество. Но и Цяо Ючжэнь, и Чи Каннань были обычными людьми, а его брат Чи Чэн тоже был посредственным, с ужасными оценками.

Но Чи Ван также понимал, что генетика может быть загадочной и не поддается обобщениям, поэтому его подозрения были лишь слегка завуалированы. С его прямолинейным мышлением, как он мог предположить, что не является их биологическим ребенком?

Сомневаясь, Чи Ван прямо спросил Цяо Ючжэнь:

— Мама, у меня к тебе вопрос.

Цяо Ючжэнь:

— Что это? Спрашивай.

Чи Ван сказал:

— Кто-то сказал, что я не ваш биологический ребенок. Я думаю, это вполне правдоподобно, поэтому хочу спросить, откуда вы меня усыновили?

Цяо Ючжэнь была потрясена и заикаясь спросила:

— О чем ты говоришь? Кто это сказал?

Чи Ван сказал:

— Не беспокойся о том, кто это сказал. Просто скажи мне, правда ли это. Даже если ты не признаешься, это нормально. Сейчас легко сделать тест на отцовство. Мне просто любопытно, очень любопытно.

Цяо Ючжэнь отрицала это:

— Как такое может быть? Я так сильно тебя люблю. Если бы ты не был моим ребенком, разве я бы тебя воспитывала?

Чи Ван рассмеялся, не стал спорить и намеренно попытался ее напугать:

— Мама, ты же меня не похищала, правда? В наше время и покупатели, и продавцы, причастные к похищению, одинаково виновны и могут быть осуждены. Лучше скажи мне правду; иначе я сообщу в полицию, и все прояснится.

Цяо Ючжэнь была раздражена:

— Что с тобой не так? Я же тебе уже говорила, что ты мой родной сын. Как это может быть неправдой? Ты такой красивый; неужели ты можешь быть чужим ребенком? Ты разве не знаешь своего отца? Ты точь-в-точь в него!

Чи Ван: ...

Чи Ван подумал, что Цяо Ючжэнь, должно быть, смотрит на мир сквозь розовые очки толщиной с городскую стену. Конечно, Чи Каннань выглядел неплохо, но они действительно мало были похожи.

Он сказал:

— Такую ложь легко разоблачить. Если тест на отцовство покажет, что мы не родственники, вас признают виновными в торговле детьми и могут посадить в тюрьму.

Цяо Ючжэнь так рассердилась, что неловко сменила тему:

— Ладно, давай не будем об этом говорить. Переведи мне денег; твоему брату нужна инъекция
— 2000 юаней за укол.

Чи Ван спросил:

— Какая именно инъекция?

Цяо Ючжэнь уверенно ответила:

— Гормоны роста. Твой брат уступал тебе еду; иначе как он мог не вырасти?

Чи Ван был ошеломлен:

— Что? Я не был дома два года, а ты все еще обвиняешь меня в этом?

Она сказала:

— А кто же еще? Ты такой высокий, а твой брат такой низкий.

Чи Ван ответил:

— ...А разве я не занимался спортом? Пока я бегал и играл в баскетбол, он весь день лежал в постели. В любом случае, если ты не скажешь мне правду, я, возможно, перестану тебе платить. К тому же, нет закона, обязывающего детей возмещать родителям расходы на их воспитание, верно?

Цяо Ючжэнь была в ярости:

— Я сказала тебе правду, но ты мне не веришь. Ты просто не хочешь присылать деньги. Платишь ты или нет, ты все равно мой сын. Я буду держаться за тебя всю оставшуюся жизнь. Ты и своего брата должен содержать.

Чи Ван сказал:

— Я не буду его содержать, и ты ничего не сможешь с этим поделать. Если ты подашь на меня в суд, суд обяжет меня выплачивать только минимальные ежемесячные алименты в размере 200 юаней. Если я решу устроить скандал, я могу даже отказаться платить. Кроме того, я уже уехал из дома; как ты будешь на меня цепляться? Ты вообще знаешь дорогу? Ты можешь доехать на скоростном поезде или самолете?

Цяо Ючжэнь так разозлилась, что чуть не упала в обморок:

— Ты совсем испортился! Раньше ты таким не был. Теперь ты меня совсем не уважаешь.

Чи Ван сказал:

— Значит, ты неправильно все помнишь. Я и раньше тебя не уважал; ты просто решила забыть.

Цяо Ючжэнь: ...

Она взревела:

— Мне все равно! Пришли мне деньги сейчас же! Если ты будешь задерживать инъекции для своего брата, тебе придется содержать его всю жизнь!

Чи Ван резко повесил трубку.

Он знал, что Цяо Ючжэнь придет в ярость, но все равно не мог поверить в услышанное. Она винила его во всем, но он не был козлом отпущения.

Хотя он и был раздражен, он не стал заикливаться на этом. Он знал характер Цяо Ючжэнь и не видел необходимости спорить с ней.

Ожидать от человека, упрямого как камень, хоть чего-то разумного было все равно что ждать восхода солнца на западе.

Однако поведение Цяо Ючжэнь было не совсем правильным. Он слишком хорошо ее знал; когда она все отрицала, в ее голосе слышалась нотка паники.

Чи Ван погрузился в размышления. Цяо Ючжэнь была скупой и мелочной; она, вероятно, не стала бы тратить деньги на покупку ребенка. Если бы его купили, сумма была бы немалой, тем более что это был мальчик, к тому же симпатичный. В юности он слышал разговоры о торговле детьми — кто-то продавал девочку на рынке за более чем 10 000 юаней; мальчики, скорее всего, стоили бы дороже.

Цяо Ючжэнь не стала бы тратить такие деньги. Если его не купили, то, скорее всего, украли.

Бросив взгляд на свой телефон, на экране которого постоянно мигали новые сообщения, Чи Ван быстро добавил номер Цяо Ючжэнь в черный список.

На самом деле, он не стоил семье Чи больших денег. Его обучение входило в девятилетнюю

обязательную программу; прочие сборы составляли всего несколько сотен юаней в год, которые семья оплачивала. Но когда он перешел в среднюю и старшую школу, он почти не тратил семейные деньги.

Единственные значительные расходы были связаны с его серьезной болезнью, когда ему было пять или шесть лет. В то время Чи Чэн еще не родился, и Цяо Ючжэнь и Чи Каннань были готовы тратить на него деньги. Сколько именно они потратили, он не знал, но знал, что семья влезла в долги, чтобы вылечить его.

Поэтому Чи Ван согласился и подумал, что, поскольку никаких дальнейших сделок не будет, возможно, лучше разорвать отношения окончательно.

Забудь об этом; нет смысла об этом думать.

Проверяя телефон, он наткнулся на сообщения от Сяо Фу. Тот прислал несколько видео. Когда Чи Ван открыл их, на видео были либо Сяо Фу на яхте в окружении шампанского и красивых женщин, либо он сам на коктейльной вечеринке, держа в руках бокал вина.

Чи Ван зашел на страницу Сяо Фу в социальных сетях, но обнаружил, что она совершенно пуста — ни одной публикации.

Он почувствовал, что Сяо Фу довольно сложная личность, но, как ни странно, совсем не раздражающая.

После обмена несколькими сообщениями Чи Ван убрал телефон.

Приближался Новый год. Ученики освобождались от учебы, поэтому дополнительные занятия были временно приостановлены до тех пор, пока родители не уведомят его о возможности возобновления.

У Чи Вана внезапно появилось много свободного времени, и это немного его беспокоило.

Хотя он и понимал, что ему не следует браться за подработки, он не мог удержаться от просмотра приложений для поиска работы.

Незаметно позади него появился Се Сихэн. Не глядя, он все же обратил внимание на характерную цветовую гамму приложения для поиска работы.

Се Сихэн ничего не сказал, просто тихо сел рядом с Чи Ваном и спросил:

— Ищешь подработку?

Не поднимая головы, Чи Ван ответил:

— Нет, просто просматриваю.

Се Сихэн спросил:

— В какой компании ты работаешь онлайн?

Чи Ван поднял на него взгляд:

— Почему ты спрашиваешь?

Се Сихэн опустил взгляд:

— Сейчас очень много мошеннических компаний.

Чи Ван погладил подбородок:

— Не думаю. Та, которую я нашел, довольно надежная. Я работал там полный рабочий день во время летних каникул. Начальник — богатый предприниматель во втором поколении, с хорошими финансовыми средствами.

Се Сихэн спросил:

— Ты помнишь название компании?

Чи Ван на мгновение задумался:

— Компания называется Dongyue Technology. Босс назвал ее в свою честь; ты, наверное, о ней не слышал. Хотя мне не очень везет, эту работу мне предложил друг. Если бы я сам ее нашел, то, возможно, столкнулся бы с мошеннической компанией, но друзья не стали бы рекомендовать плохие компании.

Се Сихэн: ...

Се Сихэн спросил:

— Тебе не везет?

Чи Ван фыркнул:

— Если бы я не был невезучим, забеременел бы я, будучи мужчиной?

Се Сихэн: ...

Это было не просто невезение.

Се Сихэн серьезно сказал:

— С этого момента тебе будут сопутствовать удача.

Чи Ван достал две монеты:

— Вот, позволь мне показать тебе. Если я подброшу две монеты, возможны только три исхода: один орел и одна решка, оба орла или оба решки. Вероятность каждого исхода составляет 33%. Я ставлю на оба орла. Если я выиграю, ты дашь мне 10 юаней; если проиграю, я дам тебе 20. Ты подбрасываешь монеты.

Се Сихэн взял две монеты, на которых еще оставалось тепло Чи Вана. Он невольно слегка сжал их в ладони.

Вскоре он подбросил две монеты. Они упали на кофейный столик. Одна из них вот-вот должна была скатиться, но Чи Ван остановил ее: орел и решку.

Чи Ван сказал:

— Я должен тебе 20. Давай продолжим.

Се Сихэн поднял монеты и подбросил их снова. Они упали: обе решки.

Подбросил еще раз: орел, решка.

Повторил: орел, решка.

И снова: орел, решка.

Повторил: два орла.

Повторил: два орла.

На лице Чи Вана читалось: «Устал, пусть все это закончится».

— Видишь? Я же говорил, — заметил он.

Зрачки Се Сихэна слегка задрожали, он на мгновение потерял дар речи.

Чи Ван достал телефон:

— Вот, я переведу тебе 120 юаней.

Се Сихэн покачал головой:

— В этом нет необходимости.

Он замолчал, его взгляд слегка блуждал.

— Ты можешь отплатить мне объятием.

Чи Ван не удержался и спросил:

— Тебе так приятно меня обнимать? Тебе это так нравится?

Се Сихэн кивнул:

— Это потрясающее ощущение, словно тебя опьянил кислород.

Чи Ван посмотрел на него скептически:

— Правда?

Се Сихэн серьезно кивнул. Его взгляд слегка переместился на Чи Вана, и он сказал:

— Ты мог бы устроиться на другую подработку.

Чи Ван спросил:

— Например, какую?

Се Сихэн отвел взгляд и небрежно произнес:

— Подушка на полставки. Я хочу обнимать тебя во время сна. Назови свою цену.

Чи Ван: ...

Это не невозможно. Если это поможет Се Сихэну заснуть, он сможет немного заработать.

Се Сихэн продолжил:

— Кроме того, по ночам у тебя бывают судороги в ногах. Я могу помочь сделать массаж в любое время.

Чи Ван поддался искушению:

— Давай четко оговорим деньги между друзьями. Как насчет 100 юаней в день?

Се Сихэн: ...

Даже в своих мечтах он не осмеливался мыслить масштабно.

Се Сихэн тактично заметил:

— Я давно уже не высыпался. Сеанс гипнотерапии у психолога стоит 4500 юаней.

Чи Ван сразу все понял и поднял цену:

— Тогда 200 юаней в день.

Се Сихэн: ...

Се Сихэн сказал:

— 300 юаней в день.

Чи Ван улыбнулся:

— Договорились.

Глядя на улыбающееся лицо Чи Вана, холодный взгляд Се Сихэна немного смягчился.

В тот вечер, после того как Чи Ван принял душ, он ждал, когда придет Се Сихэн и обнимет его.

После душа, когда к нему подошел Се Сихэн.

Чи Ван почувствовал запах геля для душа Се Сихэна — слабый, прохладный аромат, который быстро исчезал после душа.

Несмотря на холод на улице, Се Сихэн очень эффективно отапливал дом, поэтому одеяло Чи Вана было легким и мягким.

Оглядываясь назад, Чи Ван понимал, что переезд действительно оказался лучшим решением. Зимой, даже если расходы на отопление в общежитии были разделены между тремя людьми, каждый месяц это обходилось недешево. Более того, кондиционер в общежитии лучше охлаждал, чем обогревал; иногда в общежитии все равно было довольно холодно.

Первым лег Чи Ван, принимая удобную позу для сна. За ним в кровать лег Се Сихэн — высокий и крепкий, с гораздо более широкими плечами. Чи Ван не удержался и поддразнил его:

— У тебя такие широкие плечи, что ты меня с кровати не повалишь.

Се Сихэн: ...

Он хранил молчание.

Он попытался обнять Чи Вана за талию. Чи Ван рассмеялся:

— Щекотно.

Даже смех Чи Вана звучал приятно, в нем чувствовалась юношеская непосредственность.

Движения Се Сихэна неосознанно стали более мягкими. Его рука поднялась и нежно обняла плечо Чи Вана. Его тело не прижималось слишком близко; самым интимным контактом было то, что он положил подбородок на волосы Чи Вана.

Чи Ван спросил:

— Этого достаточно?

Се Сихэн ответил:

— Да.

Хотя Се Сихэн так и говорил, у Чи Вана были принципы. 300 юаней в день — это высокая зарплата. Даже просто выполняя ее, он чувствовал, что отдает недостаточно.

Поскольку он служил снотворным, он должен был быть самым эффективным средством.

Будучи преданным своему делу работником, он стремился делать все как можно лучше.

Чи Ван, проявив инициативу, повернулся боком, обнял Се Сихэна за талию и наполовину уткнулся лицом ему в грудь. Он даже положил ногу ему на талию.

— Как тебе это? Чем больше площадь контакта, тем меньше давление. Ты же изучал физику, помнишь формулу?

Все тело Се Сихэна напряглось: $P = F/S$.

Чи Ван протянул руку и потрогал его грудь:

— Почему, несмотря на твой нарушенный режим сна, твоя грудь до сих пор такая упругая?

Се Сихэн: ...

Это действительно допустимо?

Неужели он забыл, что в животе у Чи Вана ребенок?

Чи Ван сказал:

— Скажи что-нибудь.

Голос Се Сихэна был холоден, как ручей:

— ...Я регулярно занимаюсь спортом.

Чи Ван сказал:

— А как насчет твоего пресса? Дай-ка я его потрогаю.

Рука Чи Вана потянулась вниз, но Се Сихэн схватил ее:

— Можешь не лапать меня без разбора?

Чи Ван сказал:

— Я понимаю — у тебя их не так много, как у меня.

Се Сихэн: ...

Се Сихэн потянул его руку и положил ее себе на живот.

<http://bllate.org/book/14359/1416908>